

Арабаев Автандил Анисович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Кыргызской Республики,
главный редактор журнала «Право и политика»;
Береналиева Аруна Автандиловна*,
кандидат политических наук,
докторант Национальной академии наук
Кыргызской Республики
(г. Бишкек)

КОНСТИТУЦИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Демократия впервые в понимании «власть народа» был употреблен еще в античности Фукидидом¹.

С тех пор прошло два с половиной тысячелетия, но проблемы демократии до сих пор остаются в центре политической и идеологической борьбы и, конечно же, научно-теоретических дискуссий².

Очевидно, что за это время претерпели изменения не только содержание, формы демократии, но и само сущностное ее понимание.

Более того, в своем развитии демократия не раз испытывала как подъем, так и разочарования. Один лишь период исторического развития демократии в 80-е годы прошлого столетия показывает, как противоречива ее общественная оценка. С одной стороны, этот период всемирной демократической волны назван теоретиком демократии Ж.Ф. Ревелем «демократической эйфорией»³, с другой стороны, ряд исследователей говорили о кризисе демократии и даже о ее конце⁴.

Между тем, демократическая волна именно этого периода сыграла решающую роль в разрушении основ Советского государства и общества и появлении на месте единого Союза Советских Социалистических Республик современных суверенных государств. Сопровождаемая перестройкой советского общества, поначалу управляемая либерализация режимов стремительно переросла в стихийную демократизацию, которая смела на своем пути прежние институты власти. Социалистические режимы постепенно «исчерпали возможности демократического реформирования, очевидная неспособность к самодемократизации вызвала их саморазрушение, вся государственно-властная конструкция, насаженная на стержень партии государства, рассыпалась, как только этот стержень был размагничен»⁵.

* © Арабаев А.А., Береналиева А.А., 2016

Справедливо замечено, что источник жизненной силы демократии зависит от постоянного осмысления ее принципов и практики, необходимо как для недавно возникших демократических режимов, так и для старых демократий. При этом традиционная демократия, которой характерна философия «общего дела», с трудом справляется с задачей поддержания связей между все более изолирующимися друг от друга социальными, этническими, конфессиональными группами. Прежняя политическая практика становится негодной, так как не только не преодолевает, а напротив, способствует усугублению состояния «атомизации» общества, что мало общего имеет с идейно-политическим плюрализмом⁶.

Признавая антисоциальную экономическую политику, игнорирование законности, превращение политической жизни в спектакль негодной политикой, теоретик демократии Джованни Сартори отмечает, что такая политика «в предстоящие годы будет опасна для нас, если мы не пересмотрим наши приоритеты, если не подвергнем понятие демократии критическому переосмыслению»⁷.

С методологической точки зрения, решение такой задачи сопряжено с выявлением проблем, прежде всего, самой демократии. Один из современных российских ведущих специалистов в области демократии, профессор А.И. Ковлер выделяет в данном ключе следующие основные проблемы:

- 1) уточнение понимания демократии, ее целей и методов;
- 2) проблему соотношения «демократического центра» и «демократической периферии»;
- 3) проблему «догоняющих» (или «запаздывающих») демократий;
- 4) проблема кризиса и резервов западной демократии».

В конечном счете, по мнению А.И. Ковлера, «вопрос стоит ребром: способна ли современная демократия содействовать наиболее рациональному, экономическому и гуманному решению проблем сегодняшнего дня и ближайшего будущего, или она будет словесным прикрытием власти криминализирующейся олигархии, реализации корыстных интересов узких корпоративных групп и честолюбивых политиков?»⁸.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно уделить внимание всем выделенным здесь проблемным векторам демократии. Автор и не ставит такой цели. Тем более что анализ одного лишь понятия демократии в научной литературе показывает ее многоаспектность, а именно определение демократии как:

- народовластия;
- формы государства;
- формы и принципов организации политических партий и общественных объединений;
- политического режима;
- политического мировоззрения;
- политической ценности;

- политического процесса;
- принципа международного права. Тем самым изложенное дает представление о многообразии понятия демократии, отражает тот или иной ее сущностный аспект, то или иное ее практическое проявление⁹.

Для нас важно рассмотрение демократии как народовластия и через призму такого понимания определить реальную социально-политическую роль партий в осуществлении власти народа.

Безусловно, политико-правовой основой такого восприятия демократии служат, прежде всего, положения Основного закона. Так, Конституция Кыргызской Республики закрепляет положения о демократическом государстве (ст. 1), о народе как носителе суверенитета, единственном источнике государственной власти; о формах осуществления власти народа (ст. 2), о демократических принципах организации государственной власти (ст. 3).

Совершенно прав был в этом плане отечественный конституционалист С.К. Косаков, который утверждал, что Конституция Кыргызской Республики закрепляет и регулирует отношения, выражающие сущность народовластия и соответствующего ему общественного и государственного строя, определяет основные черты механизма осуществления полномочия народа в формах непосредственной и представительной демократии. При этом принадлежность государственной власти народу в условиях новой демократии составляет основу всей системы народовластия¹⁰.

Из признания народа как носителя суверенитета и единственного источника государственной власти вытекают принципы организации самой государственной власти в Кыргызской Республике – верховенства власти народа; разделения государственной власти на законодательную, исполнительную, судебную ветви и их согласованного функционирования и взаимодействия; ответственности государственных органов перед народом и осуществления ими своих полномочий в интересах народа; разграничения функций и полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления – которые призваны обеспечить реализацию власти народа¹¹.

Итак, Конституция Кыргызской Республики закрепляет достаточно необходимый стандартный набор принципов и норм, выступающих в качестве правовой основы для институционализации демократической политической системы общества. Имеется в виду конституционные принципы политического многообразия и многопартийности, а также важнейшие политические права человека и гражданина: право на свободу объединения; право избирать и быть избранным (ст.4, 35, 52)¹².

Более того, Основной закон Кыргызстана обозначил новый курс государственно-правового развития страны – переход к парламентской форме правления, что объективно обуславливает существенную демократизацию политической системы и соответственно усиление социально-политической роли партий в этом процессе.

Данное положение исходит из понимания того, что политические партии, по сути, выступают тем реальным инструментом, посредством деятельности которого обеспечивается участие граждан в политических процессах по внедрению в общественную практику принципов и идеалов демократии.

И с точки зрения общественной практики Кыргызстана, можно говорить о вполне реальных условиях для участия партий в политическом процессе формирования высшего представительного органа государства – Жогорку Кенеша. В 2010 г. из 148 зарегистрированных в Министерстве юстиции политических партий 57 уведомили Центральную избирательную комиссию о своем участии на выборах. Но фактически приступили к предвыборной гонке за депутатские мандаты всего 29 партий, из которых пятерым удалось пройти установленный законом барьер. Тем самым, право участвовать в распределении депутатских мандатов в Жогорку Кенеше, по данным Центризбиркома¹³, получили политические партии «Ата Журт», «Социал-демократическая партия Кыргызстана», «Ар Намыс», «Республика» и «Ата Мекен».

Однако, проблема в том, насколько отвечает требованиям демократии как народовластия такая система управления государством и обществом, где абсолютным главным субъектом политического процесса становится политическая партия? Способна ли партия реально отражать в своей деятельности общественные интересы и волю народа как суверена?

Ведь вышеуказанные пять партий в совокупности получили всего 36,29% голосов избирателей по республике, при чем только тех, кто принял участие в голосовании. Так, согласно Сводной таблице о результатах выборов депутатов Жогорку Кенеша 10 октября 2010 г.¹⁴, общая сумма голосов избирателей, поданных за списки кандидатов политических партий, получивших право на распределение депутатских мандатов, составила 1101958. Из них Идеалистическая демократическая партия «Ата Журт» набрала 257100 голосов, что составляет 8,47%; Социал-демократическая партия Кыргызстана – 237634 или 7,83%; «Ар-Намыс» – 229916 или 7,57%; «Республика» – 210594 или 6,93%; социалистическая партия «Ата Мекен» – 166714 или 5,49% голосов избирателей.

Отсюда резонно возникает и следующий вопрос: способны ли в таком случае парламентские политические партии обеспечить реальное участие членов общества в управлении государственными делами, что является требованием демократии?

При этом надо признать, что демократия не является универсальной формой организации общества в целом, это лишь та институциональная матрица, в пределах которой организуется управление этим обществом. Демократическое управление, будь оно основанным на власти большинства, консенсусе или лидерстве активного меньшинства, при соблюдении определенных прав и свобод граждан делает это управление более эффективным

в долговременной перспективе, что не исключает достижения определенных краткосрочных экономических и социальных целей недемократическими методами¹⁵.

Такая позиция, обозначенная А.И. Ковлером, несмотря на свою кажущуюся противоречивость, является вполне объективной.

В свое время первый Президент Кыргызской Республики А. Акаев также придерживался аналогичного подхода. Выступая в январе 1993 г. в Совете Израиля по международным отношениям, А. Акаев говорил, что «пока будет формироваться гражданское общество в духовной и экономической областях, чрезвычайно важно, чтобы в политической сфере сохранялась сильная власть. Желательно с харизматическим лидером. Как же должна совмещаться эта власть с демократией? Ответ на такой вопрос приводит в область социологических парадоксов.

Первый парадокс. Авторитарная власть в переходный от тоталитарного коммунистического режима период должна говорить народу правду о необходимости временного ограничения демократии, убедить народ в этом.

Второй парадокс состоит в том, что авторитарная власть должна заниматься в этот период созданием демократического политического механизма, вовлекая в него представителей различных институтов гражданского общества.

Еще один парадокс. Авторитарный режим утверждает демократические институты путем укрепления силовых структур общества, таких как армия, полиция (милиция), служба национальной безопасности. Тем самым авторитарный режим отрицает себя, сам организует свой уход со сцены.

Весьма характерно и тоже, в известной мере, парадоксально, что в определенные, довольно длительные по времени моменты переходного периода силовое давление государственной власти поддерживает и широкие предпринимательские круги, и их антипод – люмпенизированные массы. Общественный порядок, правопорядок является в эти моменты теми крепкими нитями, которые сшивают пеструю ткань политической жизни в единое полотно. Дело в том, что реальный правопорядок делает жизнь людей свободной от страха. А это, согласитесь, одна из основных человеческих потребностей»¹⁶.

Анализируя данные высказывания А. Акаева, отечественный ученый-политолог Ж.М. Джаманкулов заключает, что выстраивание в Кыргызстане авторитарного правления в условиях переходного периода «было императивной идеей А. Акаева, которую он не осмеливался высказать публично внутри страны (что было в принципе невозможно), но стремился ее реализовать»¹⁷.

Бесспорно, сегодня никто в нашем обществе не желает возрождения прежнего авторитарного режима.

Тем не менее, следует признать правоту А.Акаева, который обосновывает неразрывную связь между демократическими институтами и автори-

тарной властью, призванной обеспечить их утверждение. Действительно, в начале 1990-х гг., когда процесс демократических преобразований стал необратимым, а государственные институты оказались не готовыми к ним, сама общественная практика требовала от власти решительных действий. Причем сама власть должна была быть сильной, способной создать демократический политический механизм, основанный на прочном фундаменте гражданского общества. При этом не следует забывать и о том, что страна переживала переходный этап в своем государственном развитии.

Как показывает зарубежная государственно-правовая практика, когда страна находится в переходных условиях устойчивость государства, его целостность и эффективность во многом зависят от того, что имеется сильный и активно действующий президент, функционирующий в системе разделения властей. Важность его роли обуславливается настоятельной необходимостью в инициативных координирующих его действиях¹⁸. Более того, институт сильного президента в условиях переходного периода выступает интегрирующим фактором, объединяющим общество и государство¹⁹.

Российский ученый В.Д. Зорькин утверждает, что в переходные кризисные эпохи сохранение целостности и устойчивости страны требует сильной государственной власти. При этом он напоминает, что образцовая демократия США выходила из Великой депрессии при помощи очень даже авторитарного «нового курса» Франклина Рузвельта, и что генерал де Голль выводил образцовую демократию Франции из острейшего постколониального политического кризиса также весьма авторитарными методами. По его мнению, вопрос лишь в том, «как такая конструкция власти вписывается в контекст других конституционных ценностей? Отбрасывает она их или речь идет о форме правления, которая основана – как и парламентарная республика – на принципах господства права, демократии и разделения властей»²⁰.

Как видим, формирование сильной и ответственной власти есть эффективное требование переходного периода, в котором находится страна. Это связано с сущностью и содержанием переходного периода, который означает, что точно отметил казахстанский философ М.А. Биекенов, «длительный и сложный этап формирования предпосылок для перехода от тоталитарной модели политической системы к демократической форме общественного развития власти и системы управления»²¹.

Более того, и процесс демократизации политической системы кыргызстанского общества требует совершенствования конституционной конструкции государственной власти с целью повышения ее авторитета и ответственности.

Дело в том, что развитие самой демократии сопряжено с сильной и ответственной властью, способной защитить ее как от автократии, так и охлократии.

Конечно, было бы ошибочным отвергать само наличие сильной власти, воспринимая ее лишь в смысле концентрации власти в одних руках ли-

бо в одном государственном органе. Понятие «сильная власть», как и всякое понятие, относительное.

В чем заключается сила власти? Прежде всего, в опоре на закон, правовые принципы и нормы, что в целом обеспечивает ей легитимность, на законном основании воздействовать, побуждать, принуждать, управлять и контролировать.

Сила власти заключается также в партнерстве с гражданским обществом, в котором развиты демократические институты и процедуры.

Для того, чтобы соответствовать своей сущности, сильная государственная власть должна быть легитимной, решительной, дееспособной и соответственно компетентной. Эти качественные признаки обеспечивают ей авторитет, ответственность и стабильные условия для самореализации. Напротив, некомпетентность, безнравственность, самонадеянность и недалекость ведут к саморазрушению и, как показывает наш горький опыт, к неизбежным конфликтам между властью и народом.

Механизм обеспечения сильной власти включает в себя повышение роли и ответственности правительства, укрепление управленческой вертикали, формирование независимой судебной системы. Крайне важно повышение регулирующей функции государства в целом, что необходимо для обеспечения выхода страны из очевидного кризиса: финансово-экономического, социально-политического.

Надо признать, что всего этого требует сам процесс демократизации политической системы.

При этом наиболее актуальной в данном процессе становится проблема ответственности политических партий, которые получили реальное право участвовать в формировании высших органов государственной власти и осуществлении ими своих полномочий и функций.

Прежде всего, данная проблема проявляется в том, что фракции парламентских партий в Жогорку Кенеше, вошедшие в коалицию большинства, оказались занятыми в основном перераспределением власти и сфер влияния²².

Вместе с тем, вышеуказанная проблема проявляется и в отсутствии в стране развитой многопартийной системы. На сегодня в Кыргызстане, по данным Министерства юстиции²³, официально зарегистрированы 184 политические партии. Однако, это лишь количественный, но еще не качественный показатель многопартийности. Абсолютное их большинство, с организационно-институциональной и функционально-содержательной точек зрения, не может быть квалифицировано как политическая партия в собственном смысле данного понятия. Более того, отсутствует четко определенная партийная идеология. Пока что она размыта, аморфна. Идеологическую основу современных партий Кыргызстана составляет не идейно-политическая доктрина, а политические амбиции и интересы их лидеров²⁴. При этом, что характерно, политические амбиции лидеров ставятся выше интересов самих политических партий.

Совершенно прав и А.Гладилов, утверждая о том, что в Кыргызстане даже известные и неплохо раскрученные политические бренды по сути своей являются не союзами единомышленников, а «группами поддержки» своих лидеров. Идеология в своем классическом понимании в таких организациях начисто отсутствует²⁵.

Между тем, что сама партия политологами рассматривается как добровольная, непрерывно действующая политическая организация единомышленников, представляющая интересы определенных социальных групп и ставящая целью их реализации путем завоевания власти или ее осуществления на основе обеспечения широкой поддержки населения²⁶. При этом в основе объединения в партии должны лежать общие политические взгляды и цели²⁷.

Но практика политического развития Кыргызстана показала, что партии у нас образуются не столько по идейным признакам, сколько по иным соображениям. Главное здесь не партийная идея как целостная идеология политической жизни и борьбы за конкретные цели, а личностные качества лидера партии, его политический авторитет и вес. Проще говоря, стало даже модно в нашем обществе каждому, более или менее уважающему себя чиновнику, независимо бывший он или действующий, иметь свою партию²⁸.

Следует признать, что отсутствие качественных признаков партии как политической организации превращает ее в инструмент решения личных, причем конъюнктурных, интересов в руках ее лидера. Практика организации и деятельности парламентских партий в Жогорку Кенеше убедительно доказывает это.

М.Я. Острогорский в свое время утверждал, что ответственность, признанная управлять парламентскими взаимоотношениями, приведет лишь к общей безответственности. Депутаты, вынужденные следовать за своей партией под страхом того, что она может потерять власть, лишены возможности следовать голосу своей совести²⁹.

Причем, в самой природе политической партии как форме организации общественно-политического мнения заложено стремление навязать государству свою программу всецело, вопреки желанию и интересам всех остальных граждан, о чем обоснованно писал И.А. Ильин³⁰.

В этой связи возникает вопрос: а как соотносятся в таком случае понятия «демократия» и «политическая партия»?

Ведь общественная практика показывает, что государственная власть и как институционализированная форма народовластия, и как высшая политическая власть, с целью завоевания и осуществления которой создаются партии, должна формироваться от имени народа и во имя его интересов, с учетом компетентности и нравственности ее состава. В противном случае, это приведет к нарушению стабильного процесса развития, социальным потрясениям и даже разрушительным революциям³¹. Произошедшие в Кыргызстане в марте 2005 и апреле 2010 гг. события и есть тому подтверждение.

Что касается политической партии, то еще в XVII-XX вв. зарубежные мыслители и государственные деятели отмечали, что, возникая как активная часть социума под флагом защиты его интересов, вскоре партии становятся антиподом демократии. Завоевав большинство в парламенте или осуществив переворот и узурпировав государственную власть, независимо от первоначальных программных заверений, своей деятельностью они порождают разрушительные последствия для всего³².

Видимо, поэтому И.А. Ильин писал, что демократия разваливается вследствие ее партийного строения³³. Прозорливость и правоту И.А. Ильина доказывает наша общественная практика.

Новеллы Конституции Кыргызской Республики 2010 г., установив выборы всего состава Жогорку Кенеша по партийным спискам, формирование Правительства фракцией парламентского большинства либо коалицией фракций, фактически превратили политическую партию в единственного полноправного субъекта выдвижения кандидатов в депутаты парламента, от чего оказались отстраненными многочисленные другие институты гражданского общества³⁴. Хотя, ч. 2 ст. 4 Основного закона гласит, что граждане создают для удовлетворения своих политических интересов, наряду с политическими партиями, профессиональные союзы и другие общественные объединения.

Безусловно, такая картина вряд ли совместима с требованиями народовластия, где к процессу формирования и осуществления государственной власти допущены лишь избранные члены общества, являющиеся членами той или иной политической партии. Это в корне не соответствует и основам демократической избирательной системы.

Более того, сам Основной закон отличается своей противоречивостью в закреплении институтов демократии. Так, ч. 4 ст. 4 Конституции устанавливает, что в Кыргызстане запрещается слияние государственных и партийных институтов; образование и деятельность партийных организаций в государственных учреждениях; осуществление государственными служащими партийной работы.

Данные положения Конституции, по справедливому мнению А. Арабаевой³⁵, сводят на нет сам факт образования и организации деятельности парламентских фракций. Во-первых, фракции, будучи партийным институтом, формируются в Жогорку Кенеше и в рамках этого государственного института проводят политику партии в жизнь. Поэтому возникает резонный вопрос: не слияние ли это государственных и партийных институтов?

Во-вторых, любая политическая партия, прошедшая в парламент, обязана выполнять свою предвыборную программу, используя для этого вполне законные полномочия своей фракции. Если партия окажется правящей, в которой лидер – президент, абсолютное большинство депутатов – члены фракции этой партии, а главного исполнителя – премьер-министра определяет именно эта фракция, то не есть ли это подчинение государст-

венной деятельности партийным программам и решениям? Вопрос не в том, что эта фракция правящей партии или нет, то же самое может случиться и с любой фракцией парламентского большинства. Тем более что Конституция в ст. 84 устанавливает, что фракция, имеющая более половины депутатских мандатов, или коалиция фракций с ее участием выдвигает кандидата на должность Премьер-министра и, тем самым, уполномочивается непосредственным образом влиять на структуру, состав Правительства и соответственно на его деятельность.

В-третьих, депутаты Жогорку Кенеша являются государственными служащими. В то же время, они являются членами той или иной фракции и соответственно политической партии, в таком качестве они осуществляют параллельно и парламентскую, и партийную работу. Тем самым они прямо нарушают Конституцию?

Как видим, указанные здесь конституционные положения не просто не соответствуют реально складывающимся отношениям между государственными и политическими институтами, но и не отвечают требованиям политического плюрализма, что является одним из основных принципов демократического государства.

¹ См.: Античная демократия в свидетельствах современников / Сост. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. – М., 1996.

² См.: Ковлер А.И. Кризис демократии? Демократия на рубеже века. – М., 1997.

³ См.: A World Democracy Decade // Freedom at Issue. – 1989. – № 109. July-Aug.

⁴ См.: I limiti della democrazia – Milano, 1985; Les crises de la democratie moderne //Traite de science politique. – P., 1985. – Т. 2; Kinsky F. Crise de la democratie //L'Europe en formation. – 1988. – № 271; Guehenno J.-M. La fin de la democratie. – P., 1993; Wienfeld W. Democratie am Wendepunkt. – Berlin, 1996.

⁵ Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 6.

⁶ См.: Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 10-11.

⁷ Сартори Дж. Размышления о демократии // Международный журнал социальных наук. – 1991. - № 2. – С. 5.

⁸ Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 13-14.

⁹ Ковлер А.И. Указ. соч – С. 37.

¹⁰ См.: Косаков С.К. Содержание норм Конституции Кыргызской Республики (Вопросы теории) // Наука и техника. - 1996. - № 1. - С. 88.

¹¹ См.: Арабаев А.А. Современный Кыргызстан: государственно-правовое развитие. – Бишкек: Право и политика, 2009. - С. 105.

¹² См.: Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // Эркин Тоо. – 2010. – 6 июля.

¹³ См.: Постановление Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики «О результатах выборов депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 10 октября 2010 года» от 1 ноября 2010 г. № 331 // Эркин Тоо. – 2010. – 2 ноября.

¹⁴ См.: Приложение № 1 к Постановлению Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики «О результатах выборов депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 10 октября 2010 года» от 1 ноября 2010 г. № 331 // Эркин Тоо. – 2010. – 2 нояб.

¹⁵ См.: Ковлер А.И. Указ. соч. – С. 11.

¹⁶ Архив Президента Кыргызской Республики. - Т. 1. - Оп. 5. - Ед. хр. 19. – Д. 548.

¹⁷ Джаманкулов Ж.М. Конституция Кыргызской Республики 1993 года: Возрождение суверенного государства. – Бишкек: ДА МИД КР, 2009. - С. 178.

¹⁸ См.: Топорнин Б.Н. Российский конституционализм на современном этапе / Российский конституционализм: проблемы и решения: Материалы международной конференции. – М.: ИГП РАН, 1999. - С. 21.

¹⁹ См.: Шайхысламов Ж.Ш. Форма правления государства переходного периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Алматы, 2004. – С. 23.

²⁰ Зорькин В.Д. Конституция России: проблемы становления и реализации / Конституция и законодательство. Книга II. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2004. – С. 23.

²¹ Биекенов М.А. Модернизация политического процесса казахстанского общества. – Астана, 2006. – С. 145.

²² См.: Арабаев А.А. Демократия и политические партии Кыргызстана: проблемы их соотношения: предварительный анализ // Право и политика. – 2011. - № 3. - С. 187-194.

²³ [Электронный ресурс]. – goo.gl/ekRTZU

²⁴ Арабаева А. Политические партии, Парламент, депутатские объединения: Монография / Под ред. профессора А.А. Акунова. – Бишкек: Право и политика, 2010.

²⁵ [Электронный ресурс]. – goo.gl/CjjF5F

²⁶ См.: Политология / Научный редактор А.А. Радугин. – 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Центр, 2001. - С. 192.

²⁷ См.: Нисневич Ю.А., Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 210-211.

²⁸ См.: Арабаева А.А. Депутатские объединения в Жогорку Кенеше Кыргызской Республики: политико-правовой анализ: дис. ... канд. полит. наук. – Бишкек, 2011.

²⁹ См.: Демократия и политические партии. – М., 1997. – С. 245-628.

³⁰ См.: Ильин И. Национальная Россия: наши задачи. – М., 2007.

³¹ См.: Карапетян Л.М. Политические партии в судьбе России. – СПб, 2009. - С. 216.

³² См.: Карапетян Л.М. Указ. соч. – С. 182.

³³ См.: Ильин И. Указ. соч. – С. 206-207.

³⁴ См.: Арабаев А., Арабаев Р., Береналиева А. Парламентское право Кыргызской Республики: Учебник. – Бишкек: КГНУ, Юрид. ин-т, 2013; Арабаев А.А., Арабаев Р.А. Кыргыз Республикасынын Конституциялык укугу: Жалпы жана Өзгөчө бөлүктөрү: Окуу китеби. – Бишкек: КУУ, Юрид. ин-т; Кырг.-Рос. билим берүү академ., 2014.

³⁵ См.: Арабаева А. Политические партии, Парламент, депутатские объединения. – С. 100-103.

Василевич Григорий Алексеевич*,
*Заслуженный юрист Республики Беларусь,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
Председатель Конституционного Суда
Республики Беларусь (1997-2008) в отставке
(г. Минск)*

АКТЫ ПАРЛАМЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Парламенту принадлежит активная роль в нормотворческой сфере. Его акты имеют базовое значение для регулирования общественных отношений. Вместе с тем с учетом закрепленной в действующей Конституции концепции разделения властей очень важно определить место и роль законов и постановлений Парламента (его органов) в национальной правовой системе. Остается актуальным и вопрос о статусе постановлений Верховного Совета Республики Беларусь, принятых до введения 30 марта 1994 года новой Конституции.

Традиционно виды правовых актов белорусского Парламента (Верховного Совета БССР, Верховного Совета Республики Беларусь, Национального собрания Республики Беларусь) определялись в Конституции. Действующий Основной Закон Республики Беларусь (ст. 104) определяет, что решения Палаты представителей принимаются в форме законов и постановлений. Предмет законодательного ведения указан в ст. 97 Конституции, в которой дан перечень (хотя и не исчерпывающий) вопросов, разрешаемых законами. Что же касается постановлений Палаты представителей, то они согласно ч. 1 ст.

* © Василевич Г.А., 2016